

Б Е Р А
Калачкава

*Шведская
семья
Ивановых*

Вера Александровна Колочкова
Шведская семья Ивановых
Серия «Секреты женского счастья»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65488216

В. Колочкова. Шведская семья Ивановых: ООО «Издательство

«Эксмо»; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-155099-8

Аннотация

Настя искренне верит, что встретила настоящую любовь, о которой говорят в романтических фильмах. Работая врачом, она знакомится с будущим мужем. Они женятся, и Настя воспитывает его дочерей как родных. Она наслаждается семейной идиллией и считает, что их брак ничего не разрушит, пока в отношения не вмешивается третий человек... Теперь Насте придется проверить свою любовь на прочность.

Содержание

Часть I

5

Конец ознакомительного фрагмента.

75

Вера Колочкова

Шведская семья Ивановых

© Колочкова В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Мы любовь свою схоронили,
Крест поставили на могиле.
«Слава богу!» – сказали оба.
Только встала любовь из гроба,
Укоризненно нам кивая:
– Что вы сделали? Я живая!*

Юлия Друнина «Мы любовь свою схоронили...»

Часть I

– Оля! Поля! Ну что у вас опять в комнате творится? Что за бардак такой? Почему вся одежда разбросана?

Настя с досадой всплеснула руками, застыла в дверях скорбным изваянием. Хотя заранее знала, что ни досада, ни скорбная поза ничего не решат. То есть никак на этих юных нахалок не подействуют. Они ж знают, что им все с рук сойдет, что их любят, что вся эта сердитость выплескивается из нее как бы понарошку... Мол, положено иногда родительнице «наезжать», так и пусть себе это делает на здоровье. К тому же она ведь им не стопроцентной родительницей приходится, а тоже немного... Понарошку. Хоть и воспитывает их с четырех лет...

Нет, это обстоятельство никогда никакой роли в их отношениях не играло, это надо признать. Она для них мама, конечно же. И никакого такого «понарошку» на самом деле и нет. Чего это глупое словцо ей пришло в голову? И самой странно...

– Мам, да не сердись, мы сейчас все уберем! – тихо проговорила покладистая Оля.

– Нет, не сейчас! Мы же опаздываем! Вот придем с тренировки и приберем! – Поля решительно расставила все по местам. – Нам уже убежать надо, а мы не знаем, что надеть!

– В каком смысле не знаете? – опешила Настя, снова

всплеснув руками. – Да у вас этой одежды... Вон, шкаф уже ломится! Недавно же мы вместе выбирались по магазинам... Специально, чтобы вы на лето все купили! В чем проблема-то, не пойму?

– Да, мы купили, мам... Никаких проблем... Но мы ж не знали, что будет такая жуткая жара! Хоть в трусах по улице ходи, все равно не спасешься! – виновато проговорила Оля, глянув на Полю.

Поля хмыкнула довольно глубокомысленно, словно обдумывала вариант прогулки по улице в трусах. Но вслух проговорила сердито:

– Да уж... Такое пекло, что дышать нечем. Воздух как теплая водка! Вдохнешь его, и сразу тошнить начинается.

– А ты что, пробовала теплую водку? – с ужасом спросила Настя, распахивая глаза.

– Ой, да откуда... – Поля отмахнулась, натягивая на себя джинсовые мини-шорты. – Это наш тренер так говорит после занятий – воздух в зале словно теплая водка...

– Ничего себе, какие метафоры! Что он себе позволяет, вы же дети!

– Так мы ж выкладываемся по полной, когда тренируемся, мы же падем, как звери! Пот просто ведрами выходит! Спортивные танцы, мам, это та еще нагрузочка... Весь организм должен на пределе работать. Каждый нерв, каждая мышца... Понимаешь?

– Да понимаю, понимаю... Но все равно... Ваш тренер

должен какие-то границы в отношениях соблюдать и за речью своей следить! И что он вам еще говорит, интересно?

– Да ничего такого, мам, честное слово! Не пугайся, ради бога. Нормальный он чувак, с понятиями.

– Не знаю, не знаю... Надо будет сходить посмотреть, что там за тренер такой...

– Мам, перестань! Этого еще не хватало! Чего ты пойдешь нас позорить! Что мы, маленькие, что ли?

– Ну, не такие уж и большие... И ничего особенного в том нет, если я с вашим тренером познакомлюсь!

Поля с Олей будто и не услышали ее, продолжали вертеться перед зеркалом, отталкивая друг друга. По лицу Поли было заметно, как она нравится себе в мини-шортах, и Настя сделала осторожную попытку убедить Полю в обратном:

– А эти шорты я бы тебе не советовала надевать, Поленька. Они и впрямь на трусы похожи. Лучше вон те штанишки надень, голубенькие.

– Мам! Я сама решу, что мне надеть, ладно? – повернувшись к ней Поля, глянула сердито.

Настя подняла брови, чуть улыбнулась, чуть мотнула головой, что могло означать на их молчаливом языке – ой, мол, боюсь-боюсь... Ой, как мне страшно... А вслух произнесла довольно покладисто:

– Ладно, собирайтесь, не буду вам мешать... К ужину, надеюсь, вернетесь?

– Не знаем пока... Вроде девчонки после тренировки в

кино собирались... Может, мы тоже пойдем. В кинотеатре в кафетерии перекусим, не переживай.

– Ладно. Только позвонить не забудьте, если в кино соберетесь. Чтоб мы с папой не волновались.

– Ладно, позвоним, если не забудем... Не надо за нас волноваться, мам...

Ох уж эта Полька! Так ответила, будто снизошла. Удостоила. А Олька улыбнулась и головой кивнула вполне дружелюбно – обязательно позвоним, мол...

Какие же они все-такие разные. Хоть и близнецы. Двое из ларца, одинаковых с лица. Но на этой одинаковости с лица все и заканчивается. Характеры и повадки, если сравнивать, – как небо и земля у обеих.

Зато какие симпатичные – глаз не оторвешь! Светловолосые, крепенькие, как два белых грибочка. И такие родные... Нет, и правда никаких «понарошку» и близко нет! Родные доченьки, милые...

Повернулась, пошла на кухню, унося с собой свое сердечное умиление. Вскоре услышала, как Полька крикнула из прихожей:

– Мам, мы ушли!

Подошла к окну, чтобы полюбопытствовать, во что же все-таки эти грибочки нарядились. Ага, на Олечке те самые штанишки, голубенькие, которые она присоветовала. А Полечка... Ах ты, вредина какая! Напялила-таки те самые шорты, похожие на трусы! Ну что ты с ней будешь делать, а?!

Открыла окно, поддавшись первому возмущенному порыву, но тут же и остыла. В самом деле, что она, теперь на весь двор орать будет? Поля, вернись, переоденься? Да ну... Не стоит этого делать. У них сейчас возраст такой... Опасливо пубертатный. Любое требование в штыки принимают, и сама не заметишь, как ударишься лбом в их склонность к преувеличению.

А может, у нее самой эта склонность к преувеличению образовалась с возрастом. Хотя какой там возраст – тридцать четыре года! Но если считать год за два... Как считают тем, кто работает в горячем цеху... Это ведь не так просто – махехой быть! Та еще нагрузочка на психику, между прочим! Как говорится, кто там не был, тот не знает...

Так и стояла у открытого окна, глотала перепрелый от жары воздух. И впрямь как теплая водка... Метко выразился этот тренер по спортивным танцам, ничего не скажешь! Но ведь не при детях же, правда? Хотя девчонки сейчас быстро взрослеют, и на детей в свои тринадцать уже не похожи. Рослые, спортивные, гибкие, как юные пантеры. Вот и поди, воспитывай их, учи чему-то... Ты им слово, они тебе два в ответ!

Вздыхнула, отошла от окна. Походила туда-сюда по квартире, не зная, за что схватиться, – дел-то невпроворот накопилось. Откладывала на выходной, откладывала... И вот он, выходной. А руки ни на что не поднимаются. Это от жары, наверное. Когда эта невыносимая жара кончится наконец?

Вот сколько раз Валу просила – надо купить кондиционер, надо! А он только головой кивал, соглашался. И дальше этого молчаливого согласия дело не шло. Теперь вот приходится мучиться...

Нет, она никогда на мужа по большому счету не злилась. Не выходила из себя, не скандалила. Потому что любила сильно. До немоты, до сердечной одури. Как мама всегда говорила – вляпалась ты, доченька, в эту любовь по самое не могу... И в чужих детей вляпалась так, что как бы расхлебывать не пришлось.

Ей всегда хотелось ответить маме гневно – никуда я не вляпалась, разве можно так говорить! Что в том плохого, что я им матерью стала? Конечно, поначалу нелегко было, это да... А потом ничего, привыкли. Приняли. Мамой называть стали. Да что говорить: уж девять лет с тех пор минуло... Как Валентин сдал их, малявок, ей на руки – примите и распишитесь! – так и побежало время день за днем. Что ни день – то новые трудности. А ей все нипочем было, и трудности тоже. Любила же без ума... И мужа, и дочек его непростых... Да если вспомнить, как они первое время привыкали друг к другу! Они ведь еще мать родную помнили, хотя и совсем крохами были, когда она умерла. Против природы же не попрешь танком, и материнскую родную энергетику так просто к чужой тетке не приспособишь. Да, многое нужно было терпеть. И в себе что-то менять приходилось, подстраиваться как-то... И даже получилось подстроиться, если в сегодняш-

ний день заглянуть, вполне себе благополучный...

А мама, помнится, как ее отговаривала тогда! И плакать принималась, и пузырек с валерьянкой из ладони не выпускала. И сердечным приступом пугала все время:

– В могилу ты меня сведешь, Настя, ей-богу! Ну что ты творишь, сама подумай? Какую судьбу себе выбираешь? Тебе что, приспичило замуж за вдовца выходить? Ты ж молодая, красивая, умная, ну куда ж ты... Только ординатуру закончила, в хорошую поликлинику на работу устроилась, живи себе да радуйся! Осмотрись, для себя поживи... Вон сколько у тебя в поликлинике холостых врачей... Зачем тебе этот вдовец с двумя детьми сдался?

– Я люблю его, мам... Очень люблю... Да я на все для него готова, мам!

– Ой, да не смей меня, любит она! Можно подумать, больше любить некого! Да что же, для тебя нормального мужика не найдется, что ли?

– А Валентин что, ненормальный, по-твоему? В чем его ненормальность, мам? В том, что жена его так рано умерла? Что он один с двумя детьми остался? Что не бросил их на чужие руки, а сам воспитывает?

– Ну да, ну да... Вот теперь на твои руки и сбросит, ага... Нашел дурочку с переулочка. Я ж тебя хорошо воспитала, ты у меня такая... Шибко честная да жалостливая. На таких обычно все и ездят. На правильных и порядочных.

– Ну вот, сама ж говоришь – воспитала... Теперь сама на

себя пальцем и показывай. Что получилось, то получилось, ешь с хлебом и маслом. Не надо было тогда меня так хорошо воспитывать, мам!

– А ты не хами матери, не хами!

– Да разве я хамлю?

– А что ты делаешь, по-твоему?

– Да ничего особенного... Я ж, наоборот, пытаюсь тебе комплимент сделать!

– Ой, не надо мне таких комплиментов! Какая ж ты хорошо воспитанная, если только и делаешь, что матери прекословишь?

– Да нет, что ты... Просто свою позицию пытаюсь отстоять, только и всего. Это мой выбор, мам, я его уже сделала. Я люблю этого мужчину и всегда хочу быть рядом с ним. И детей его любить хочу...

– Эка у тебя все просто! Хочу, и все тут! А мне как-во смотреть, как ты свою судьбу коверкаешь? Неужель я не знаю, как оно бывает... С чужими-то детьми... Да со старым мужиком...

– Ну какой же он старый, мам? Ему тридцать пять всего!

– А тебе сколько, забыла? Десять лет разницы – это не много разве?

– Да нормально... Сейчас бывает, что сорока лет разницы не боятся, и даже пятидесяти...

– Ну, кто не боится, у тех свой расчет и свой резон! Там деньги большие командуют, это ж понятно! А у твоего Ва-

лентина... Он же наверняка гол как сокол... Квартира-то у него хоть есть, скажи?

– Есть, мама, есть... Хорошая квартира, трехкомнатная. Я к нему через пару дней перееду, так что...

– Как это – через пару дней? Так быстро? Куда так спешить, зачем?

– Я так решила, мам. Так решила...

– Ой! Ой, сердце схватило, умру сейчас!

– Не умирай, мам. Вон, валерьяночки себе накапай. Может, легче станет.

– Опять хамишь, да?

– Нет. Просто мне надоел этот бесконечный разговор, вот и все. Давай уже прекратим его, а? Все уже решено...

– Так сторяча решено-то! Не подумавши! Ну какая из тебя мачеха, Настена, сама-то не соображаешь, что ли? Это ж чужие дети, чужие душеньки, как же ты будешь с ними... Тем более они родную мать наверняка хорошо помнят!

– Им по три годика было, когда она умерла. Чего они там помнят...

– Ну, не скажи, не скажи! – вновь ухватилась за Настю неловкое предположение мама. – Родную-то мать дети с рождения помнят, их не обманешь чужой теткой. Не думай, что все это просто, пришла да заявила – я теперь буду вашей матерью. Нет, милая моя, детскую любовь очень трудно выслужить! Тут, знаешь ли, большое сердце нужно... Взрослое, да умное, да осторожное...

– А я постараюсь, мам. Очень постараюсь.

– Вот-вот... Я ж знаю, какая ты старательная да правильная... И впрямь будешь стараться как оглашенная. И будешь у них вечно на побегушках... А как ты думала, а? Кто шибко старается, тот всегда и виноват остается, с того и спрос. Смотри, пожалеешь потом, да поздно будет!

Наверное, все матери так дочерям говорят – не пожалей потом. Это и понятно, жалко отдавать дитя в чужие руки. Сколько бы тебе ни было лет, а все равно ты для матери – дитя малое. Жалко и страшно, и ревность материнское сердце съедает. И не объяснишь, что ты сама эти самые «чужие руки» без ума любишь... Или с умом... Без разницы, в общем. Любишь, и все тут.

Да и как она могла не влюбиться? У нее ж практически других шансов не было! Сразу все срослось, все на свои места встало, половинки сложились! Как увидела Валентина в первый раз, так и потеряла голову.

Он пришел к ней на прием в поликлинику – злой, озабоченный дурацкими правилами, как сам выразился. На работе, мол, дел невпроворот, а начальство обязательную диспансеризацию затеяло, приспичило им, видите ли! Нет, он не хамил, конечно, он просто сердился. Досадовал. И на нее поначалу с досадой смотрел – давайте, мол, по-быстрому все сделаем... Чего здорового и крепкого мужика обследовать, и без того ясно, что здоровье в порядке! Каких тут у вас врачей надо пройти... Даже и не пройти, а бегом по кабинетам

пробежать.

А потом его досада ушла куда-то. Улыбнулся, сказал что-то смешное, она уж не помнила что... Хотя нет, прекрасно же помнила! И помнила, как свой вопрос задала – абсолютно сакраментальный для данного случая:

– Жалобы какие-нибудь есть?

– Да, есть... – ответил он, не задумываясь. – У меня жалоба на вашу поликлинику, да... Почему на приеме такие красивые доктора сидят? Это же неправильно, это же отвлекает... Да какой мужик начнет этакой красоте про свои болячки рассказывать? Да ни в жизнь... На месте помрет, но не расскажет.

Комплимент был, мягко говоря, неуклюжий. Довольно топорно сработанный. А она поплыла, да так, что едва сознание не потеряла. Вот было бы смешно, если бы грохнулась в обморок, как кисейная барышня! От неожиданно нагрянувших чувств-с! От любви с первого взгляда!

Посмотрела на него растерянно, улыбнулась. А он смутился вдруг. Проговорил тихо:

– Простите... Я, кажется, пошутил неудачно... Вы напишите там, в своих медицинских талмудах, что пациент здоров и ни на что не жалуется. А то мне еще кучу врачей обходить... Вон, целый список выдали! Когда ж я их всех обойти успею?

– А вы что, сильно торопитесь, да? – спросила участливо, пытаясь не выдать своего полуобморочного состояния. Хо-

рошо еще, что другие врачи ее в этот момент не видели! Потом каждый бы обсмеял, кому не лень... От пациента голову потеряла! Вот так вот – сразу и вдруг!

– Да, я тороплюсь... – ответил Валентин быстро. – Очень даже тороплюсь... Мне дочек из сада вовремя забрать надо, а еще на работу успеть заскочить! Никак не успеваю, хоть что делай!

Дочек! Из сада! Значит, у него дочки есть... Женат, значит... А она, как дура, сердцем зашла! В зобу дыханье сперло, куда там!

Так явно расстроилась, что все нужные вопросы из головы вылетели. А он вдруг объяснил торопливо, слово почувствовал ее смятение:

– Я один дочек воспитываю, жену похоронил год назад... Вот и тороплюсь, потому как их забрать из сада больше никому... Вы извините, что я вам все это говорю, но и в самом деле у меня просто безвыходное положение образовалось!

Конечно, ужасно неприлично было этому объяснению радоваться, ужасно нехорошо. А она все равно обрадовалась – ничего поделать с собой не могла. И проямлила осторожно:

– А хотите, я сама с вами по всем врачам пройду? Ну, чтобы в очереди не сидеть... Ведь там очередь большая к каждому специалисту, всегда так во время диспансеризации бывает! Часа за два управимся, я думаю. Хотите?

– Ой... Это было бы просто замечательно, конечно же. Да что там – вы меня просто спасете! Как вас... Я не разгля-

дел... – прищурился он на бейджик, прикрепленный к карману халата.

– Анастасия меня зовут. Можно просто Настя.

– Очень приятно. Какое имя у вас красивое. А я Валентин...

– Да, я помню. Я же вам карточку заполняла. Ну что, Валентин, идем? Сначала к хирургу, потом к окулисту... Что там у нас дальше по списку?

– Да, идем! Еще раз вам спасибо! Я в долгу не останусь, я обязательно отблагодарю...

– Да не надо ничего, ради бога! Я ж так просто вам решила помочь... По-человечески, от души... Ну, идемте быстрее!

И пошла впереди него хозяйкой положения. Spина прямая, подбородок вверх. Надо ж было скрыть как-то свои ощущения, стыдно же – вот так... Будто она навязаться хочет.

Так и получилось: организовала ему всю диспансеризацию за рекордно короткое время. Формально подошла, одним словом. У многих врачей и без осмотра обошлось, просто подпись поставили, и все. По ее просьбе...

Правда, без каверзных вопросов не обошлось. Например, хирург Илья Андреевич глянул на нее хитренько, спросил насмешливо:

– Кавалер твой, что ли? Давай признавайся, чего так покраснела?

– Да почему сразу кавалер, просто знакомый...

– Ну да, ну да. Если у тебя на всех знакомых так будут глазки гореть, ходить тебе с подпорченной репутацией... Уж не буду вслух произносить, как эта репутация называется! Обидишься еще, не дай бог!

Она даже отстранилась испуганно, хотела ответить, но промолчала. Пусть Илья Андреевич потренируется в своих шуточках, если ему приспичило. Подпись поставил, и хорошо. И убежать можно...

Зато все неудобства компенсировались искренней благодарностью Валентина. Такой искренней, что она совсем обнаглела, предложила радостно:

– Давайте я вам свой номер телефона оставлю... Если будут какие-то проблемы – звоните! Рада буду помочь...

Телефончик он себе записал. При этом улыбнулся так, что ей снова неловко стало. И чтобы скрыть эту неловкость, проговорила торопливо:

– Это на всякий случай, мало ли... Вдруг заболите или консультация нужна будет... Я так понимаю, вам особо некогда за своим здоровьем следить?

– Да, вы правы... Совсем некогда... – Валентин грустно вздохнул. – Хотя, слава богу, на здоровье пока не жалуюсь. Нет у меня права болеть, сами понимаете. Я ж один... У моих девчонок даже бабушек рядом нет, уж так получилось. Моя мама в другом городе живет, всякий раз не приедет. Слишком далеко...

– А в каком городе она живет?

– Во Владивостоке.

– Да уж, не близко... И что, никаких других родственников у вас здесь нет?

– Нет. Я ж говорю – мы одни с дочками... Вот и верчусь как белка в колесе. Думаю, няню им подыскать, что ли? Вы не знаете, как это делается? Или, может, у вас знакомые есть, которые хорошую няню порекомендовать могут?

– Нет, я не знаю. И знакомых таких у меня нет. По-моему, есть фирмы, занимающиеся этими проблемами специально. Надо в Интернете смотреть...

– Что ж, спасибо. И вообще... За помощь вам огромное спасибо! Теперь я точно все успею... Пойду, не буду вас больше задерживать. У вашего кабинета уже очередь большая образовалась, а вы тут... Со мной возитесь... Спасибо!

Валентин ушел, а она продолжила прием, изо всех сил пытаясь сосредоточиться. В голове сплошной туман был. В груди волнение. И удивление запоздалое накатило: что это такое было сейчас? Ничего подобного раньше и близко не случалось... И не сказать ведь, что она была в свои двадцать пять девушкой-недотрогой, всякий опыт за плечами имелся. И первая школьная любовь, и студенческие романы, и даже полтора года совместной жизни с Ромочкой, тоже студентом... Квартиру снимали, по выходным из постели не вылезали, к друзьям на дачу летом ездили. Время текло, как праздник, как хоровод веселья юных гормонов. Никаких обязательств друг перед другом, просто жизнь... А по-

том праздник разом кончился, цепь хоровода разорвалась, изжила себя. Ругаться стали, подолгу отношения выяснять, рефлексировать на тему собственных отношений – что и как, да зачем... И кто во всем больше виноват... Когда разбежались, она будто на свободу вышла, к маме вернулась.

А мама, кстати, тогда очень расстроилась:

– Ну как же так, Настенька... Что ж ты не удержала его, такой приличный молодой человек, из хорошей семьи... Я думала, у вас уже к свадьбе дело идет! Кучу постельного белья тебе в приданое накупила! И два сервиза – столовый и чайный!

– Да какое постельное белье, мам... Какие сервизы... О чем ты!

– О чем, о чем! О жизни, вот о чем! Не думала, что такую легкомысленную и недалекую дочь вырастила! Да я и денег подкопила на свадьбу, сколько смогла... И с Ромочкиной мамой мы по телефону познакомились... Очень милая женщина, между прочим! Сказала, что ты ей понравилась. Она тоже не против свадьбы была... Такая красивая пара, так жалко! Да и возраст у тебя... Самое то для замужества! Чего вы расстались-то вдруг? Вчера еще все хорошо было, а сегодня что, все не так?

– Мы поняли, что не любим друг друга. Очень простое объяснение, мам. Простое и понятное.

– Хм! Как у тебя все легко! Любили, потом разлюбили! А ты бы хотела до конца своих дней мужа любить, что ли?

– Ну да... Хотелось бы...

– Ой, Настена, Настена... Чего ж ты у меня такая наивная?

Семейная жизнь – это ведь не только любовь... Я тебе даже больше скажу – в ней можно вполне и без любви обойтись, если уж на то пошло. Иметь семью – это основная функция женщины. То есть семья как факт, понимаешь? Чтобы гнездо вить изо дня в день, деток растить... А когда всем этим делом занят, о любви уже и не думаешь, она на второй план отходит. Это по молодости любовь чем-то крайне необходимым кажется, а потом... Уж поверь мне...

– Может, ты и права, мам, не знаю. Но я так не могу. Для меня семья – это праздник любви. Чтобы изо дня в день – и с любовью. А иначе с ума сойти можно, я думаю. Вся жизнь в сплошную неврастению уйдет. Нет, я не смогу так, что ты...

– Ну и останешься одна, с такими-то мыслями!

– Значит, буду одна!

– Думаешь, так лучше?

– Не сердись, мам. И вообще, давай больше не будем об этом... Я так устала, а мне утром на работу...

Мама только рукой махнула и губы поджала. Потом не разговаривала с ней три дня, всячески демонстрировала свое недовольство. А потом ничего, отошла... Характер у нее был такой, время ему надо было, чтобы привыкнуть к новым обстоятельствам.

После Ромочки еще были встречи и отношения, но и они быстро угасали. Ни разу такого не было, как сейчас... Чтобы

захлестнуло, чтобы вспыхнуло в голове пониманием – вот оно, свершилось! Вот вторая твоя половинка и обнаружилась, судьба сама ее к тебе случаем подогнала...

Да, свершилось. А дальше-то что? Эй, судьба, ты почему отстранилась? Подогнать подогнала, а дальше – сама действуй?

Но как действовать-то? Навязываться? По телефону Валентину звонить, о себе напоминать нахально? А вдруг у него есть отношения? Вдруг он любит кого-то? И вообще... Если бы она его хоть немного заинтересовала, он бы сам давно позвонил... Номер у него есть. Но ведь не звонит! Неделя уже прошла, а он не звонит!

Всю эту неделю она проходила как чумная, не выпуская телефон из ладони. Проверяла каждые пять минут, не пропустила ли звонок... О присутствии в жизни Валентина двоих дочек почему-то не думалось. Наверное, ее не напугало это обстоятельство. Потому что когда любишь, то все в этом человеке любишь... Всех его родственников авансом. Всем свое сердце отдать готова...

В конце второй недели так измаялась, что решилась позвонить. Вернее, начала себя готовить к этому обстоятельству, обдумывать каждое слово. Репетировать интонацию голоса. Выбирать время. Лучше вечером, наверное, после шести. Хотя он занят после шести, дочками занимается, домашними делами. Лучше после девяти, когда дети уснут... Теперь надо день выбрать. Субботний вечер вполне даже под-

ходит... О работе думать не надо, спешить никуда не надо, самое спокойное время для телефонных разговоров. Да, какое-то внутреннее чувство само подсказывало: именно в субботу вечером!

Наверное, в этом что-то все-таки есть, когда подобной визуализацией действий занимаешься. Наверное, судьба слышит. Хотя, если честно, раньше она во всякие эти глупости не верила...

Он позвонил именно в субботу вечером. Сам позвонил. Голос был тихий, и испуганный, и отчаянно виноватый. Такой виноватый, что едва выбрался из всех извинений:

– Простите меня за поздний звонок, Настя... Вы, наверное, не помните про меня... Я тот самый пациент, которому вы помогли пройти диспансеризацию, Валентином меня зовут. Не помните, наверное, уже больше двух недель прошло... Но вы мне сами свой номер телефона дали, если помните...

Она хотела возмутиться: как же больше-то двух недель! Я тут дни считаю, и ничего не больше, а меньше! А вы... Но не возмутилась, конечно. Спросила вполне себе деловито:

– У вас что-то случилось, Валентин? Вы заболели?

– Нет, не я... Дочка заболела. Температура поднялась, а признаков простуды нет. Я горло смотрел... В детскую поликлинику не пойдешь, там никого сейчас нет, наверное? А вызов только на понедельник примут... Может, мне «Скорую» вызвать, как думаете?

– А какая у дочки температура?

– Тридцать восемь и пять.

– Жаропонижающее давали?

– Нет... Я не знаю, какое. Они вообще-то у меня не болеют... Растерялся я как-то. Не знаю, что делать. Наверное, все-таки в «Скорую» звонить надо...

– Не паникуйте раньше времени, Валентин. Давайте я сейчас к вам приеду, сама девочку посмотрю. Вы где живете, говорите адрес!

– Ой, мне так неловко, что вы... Такое для вас беспокойство...

– Да бросьте! Говорите, я записываю!

Знала она прекрасно этот адрес, чего уж там. В медицинской карте посмотрела. Но не могла же она ему рассказать, что ездила в этот район, пока ожиданием звонка маялась! Что ходила по магазинам, расположенным недалеко от его дома... И что сердце все время билось пугливо – вот сейчас, сейчас... Сейчас увидит его в супермаркете... И улыбнется, и удивится, и обрадуется – ах, какая встреча! Здравствуйте, Валентин! А я вот к подруге приехала, в супермаркет по пути заскочила: вкусенького к чаю купить...

– ...Через полчаса я буду у вас, Валентин. Ждите.

Нажала на кнопку отбоя, выдохнула, похвалила себя за достойную сдержанность – отлично все прошло! Если не считать, конечно, что дочка болеет... Остается надеяться, что там ерунда какая-нибудь, мало ли отчего у ребенка мо-

жет температура подняться. На месте разберемся...

Так и оказалось: ничего страшного с дочкой Валентина не случилось. Лежала в кровати, капризничала. Увидела незнакомую тетку, закрыла лицо руками. Но она успела разглядеть и припухшие глазки, и покрасневшие веки девочки.

– Она что, плакала недавно? – деловито спросила у Валентина, одновременно пытаюсь ощупать у ребенка подчелюстные лимфоузлы.

– Да, она плакала... Долго плакала. Я не уследил, когда мы гуляли... Поля с мальчишкой из-за велосипеда подралась...

– Поля, значит... Ты что, Поля, хулиганка у нас, да?

Девчонка отняла ладошки от лица, проговорила капризно:

– А чего он, жадина-говядина! Сам велосипед бросил, я покататься хотела! А он...

Личико ее тут же скривилось, губы задрожали. Вот-вот снова разрыдается! Пришлось отвлечь строгим, но ласковым приказом:

– Открой рот, Полечка! Мне надо горлышко посмотреть! Ты умеешь показывать горлышко? Скажи – а-а-а...

– Она не виновата вовсе... Он первый на нее накинулся... – услышала Настя за спиной жалобно писклявый голосок. Обернулась... Еще одна дочка, стало быть! Точная копия Полины!

– Привет... – улыбнулась ей ласково. – Правильно, всегда надо сестренку защищать...

– Да, Оля у нас такая. Тихая заступница, – быстро пояснил Валентин. – А Поля у нас – огонь... Вроде близнецы, а характеры абсолютно разные. Поля полдня после этой злощастной прогулки рыдала... Никак успокоиться не могла...

– Ну, вот вам и причина высокой температуры, что ж... – проговорила Настя, вынимая из ушей стетоскоп. – Легкие чистые, горлышко в порядке... Остальное – реакция организма на стресс. Плюс длительный плач и нервное перенапряжение. Поспит, и все пройдет. Детский нурофен у вас есть?

– Нет... Я ж говорю, они у меня не болят... Но я в аптеку сбегая, у нас дежурная аптека недалеко!

– Что ж, давайте. А я пока с детьми побуду. Не волнуйтесь так, Валентин. На вас же лица нет.

– Да я как-то испугался... Спасибо вам, Настя, что приехали. Даже не знаю, как вас еще благодарить.

– А мне «спасибо» достаточно... Рада была помочь. Ну, идите же в аптеку, Валентин... А я пока девочкам книжку читаю. Какую вы книжку читать любите, девочки?

– Папа нам сейчас про Муми-тролля читает... – тихо объяснила Оля, застенчившись.

– О, так отличная книжка! Я, когда маленькая была, тоже ее очень любила! Давай, Оль, тащи книжку сюда, будем читать...

Поля заснула, не дождавшись отца. Настя закрыла книжку, протянула руку, погладила Олю по голове, улыбнулась:

– Больше читать не будем, чтобы Полю не разбудить, ладно?

– Ладно... – покладисто согласилась Оля и тут же взгромоздилась к ней на колени, прижалась худеньким тельцем, проговорила тихо: – Какая ты хорошая, тетя... И пахнет от тебя вкусно... Как от нашей мамы... У нас с Полей ведь нет мамы, ты знаешь?

– Да, малышка, знаю... И ты тоже хорошая. И пахнет от тебя вкусно. И сестренка твоя тоже хорошая, хоть и драчунья... Давай я тебя спать уложу? Вон глазки уже слипаются...

– А ты не уйдешь?

– Нет, я не уйду... Я папу дождусь. Обязательно.

– Тебя Настей зовут, да? Я слышала, как папа тебя Настей назвал...

– Правильно. Настей.

– А у нас в садике в группе целых три Насти есть... Представляешь?

– Да ты что? Надо же...

– Ну да... И все они страшные воображалы. Зато мы с Полей лучше всех разговариваем, вот! Мы даже букву «р» хорошо произносим! Воспитательница нас хвалит всегда. И еще она говорит, что мы очень развитые.

– Да уж... Для своих четырех лет – даже очень...

– А ты откуда знаешь, что нам с Полей четыре года?

– Так папа сказал... А вот и он идет, слышишь, дверь

хлопнула?

– Слышу... Только ты не уходи все равно... Ты же обеща-
ла меня спать уложить!

– Так пойдем... Ложись давай... А я рядом посижу, хоро-
шо?

– А песенку споешь?

– Песенку? Ну ладно, я попробую...

Тут же память услужливо подкинула ей и песенку, под ко-
торую сама когда-то засыпала. Про того самого серого волч-
ка, который должен обязательно укусить за бочок. И кто ее
только придумал, такую песенку? Страшно же... Помнится,
в детстве она всегда представляла, как волчок подкрадыва-
ется и хватает ее острыми зубами за бочок!

Об этом, смеясь, и сообщила Валентину, когда вышла на
кухню. Проговорила довольно легко:

– Надо же, какие ужасы в этой колыбельной запрограмми-
рованы! Почему волчок обязательно должен укусить бедно-
го засыпающего ребенка?

Валентин засмеялся, наливая ей в чашку чай. Ответил ве-
село:

– А я не помню из детства никаких колыбельных, не со-
хранились в памяти... Вот Лиза много колыбельных песе-
нок знала, это да. А я им больше современный эстрадный ре-
пертуар исполняю, прекрасно под него засыпают. Особенно
вот под это – «самый лучший день приходил вчера»... Лиза
очень любила этого исполнителя, все его песни знала...

– Лиза – это мама девочек, да? – осторожно уточнила Настя.

Он только кивнул грустно. Можно было и не уточнять, и без того понятно.

– Как быстро ее скрутило, я даже и не понял ничего... Вот так живешь и думаешь: это все у других бывает, а тебя никогда не коснется. Что онкология только у пожилых бывает...

– К сожалению, нет... – Настя тяжело вздохнула. – Эта коварная штука ни с кем и ни с чем не считается, у нее свой жестокий выбор. Понимаю, как вам трудно было... И очень сочувствую...

– Да, трудно. Но не будем о грустном... Вы пейте чай, Настя, остынет! Как вам мои девчонки? Не устали от них?

– Да что вы... У вас замечательные дети. Очень развитые, умненькие.

– Да, это все Лиза... Она много в них вкладывала. Они уже и читать умеют, между прочим! – произнес Валентин горделиво. – А как рисуют, вы бы видели! И танцевать любят... Воспитательница говорит, у них способности к танцу, надо бы их в балетной школе показать... А я как-то сомневаюсь насчет балета, если честно. Это же такая нагрузка! Они там пашут, как рабы на галерах! Жалко как-то... А вы что на этот счет думаете, Настя? Может, я ошибаюсь и не стоит сомневаться? Вдруг у них и впрямь врожденный талант, а я его в землю зарою? Вдруг они вырастут и мне не простят?

– Ну, не знаю... – произнесла она глубокомысленно. –

Мне тоже как-то жалко... Это ведь еще от характера зависит... Видите, как Полечка на стресс прореагировала? А там вечный стресс, нервные и физические перегрузки... Не знаю, правда. Можно ведь и альтернативу балету найти, если на то пошло.

– Так вот и я том же! Как хорошо, что вы меня поддержали! А то я все сомневался... Слушайте, Настя! А давайте на «ты» перейдем, а?

– Давайте... Я с удовольствием, да...

С этого перехода на «ты» все и покатилося в ту самую сторону, в которую надо было. Вернее, которую она для себя сразу определила. Имя ей было – любовь...

С каждым днем она понимала, что не ошиблась. Что Валентин – ее мужчина. Хотя особого времени на раздумья не было. Как-то незаметно она уместилась в жизнь своего избранника, ненавязчиво старалась помочь, тщательно контролируя эту самую ненавязчивость. То девчонок из сада заберет, то холодильник заполнит продуктами, то ужин приготовит... Конечно, тут был хитрый расчет с ее стороны, который, как говорится, у каждого плута имеется. Но разве ее плутом в этой ситуации назовешь? Когда плутовство есть, там любви нет. А она любила. Еще как любила. И девчонки, Оля с Полей, вполне уютно в эту любовь вместились. Признали ее, приняли. Дети ж чувствуют, когда к ним с душой относятся, когда им не лгут.

Однажды, когда она уходила домой, Оля вдруг вцепилась

на нее, расплакалась: «Не уходи, не надо, не отпущу! Я хочу, чтобы ты с нами осталась!» Валентин взял плачущую дочку на руки, прижал к себе, а на нее посмотрел так, что ей показалось, тоже сейчас заплачет – не уходи, не надо, не отпущу...

Конечно, это было преувеличением с ее стороны. Желанным преувеличением. Вовсе Валентин плакать не собирался, мужчины ведь не плачут. Зато слова его прозвучали почти музыкой для нее:

– И правда, Насть... Может, останешься? Хотя тебе самой решать, конечно... Я не настаиваю...

Самой решать! Господи, да она давно уже все решила! Только не надо в этот момент сообщать об этом с бурной радостью, чтобы его не смущать. Легче надо, как будто все само собой произошло, как будто она и не поняла сути его предложения. Плута иногда тоже надо включать. Не для себя, а для Валентина. Чтобы он не чувствовал неловкости момента.

Протянула руки, произнесла ласково:

– Иди ко мне, Олечка... Не плачь, что ты... Видишь, я никуда не ухожу? Сейчас мы с тобой пойдем к Поле, будем все вместе мультики смотреть... А потом я вас спать уложу. И сказку расскажу, и песенку спою... Какую ты хочешь сказку, Оленька?

– Ага... Мы уснем, а ты домой к себе уйдешь... – всхлипнула Оля, обхватывая ее ручками за шею. – Уйдешь, как в

прошлый раз...

– Я не уйду. Обещаю тебе. Честно слово. Ты мне веришь, Оль?

Сказала и коротко взглянула на Валентина. Он стоял, упервшись плечом в дверной косяк, смотрел на нее с благодарной улыбкой.

Так их судьба и решилась, в общем. А как иначе? Со стороны Валентина просьбу остаться в данном случае можно рассматривать как предложение руки и сердца, а ее обещание, данное ребенку, вполне можно приравнять к тому пресловутому женскому «да»...

Правда, потом был момент – отчаянно неловкий. Когда, уложив девчонок, она вышла к нему на кухню. Но, слава богу, он сам справился с этим неловким моментом, шагнул к ней, притянул к себе, обнял осторожно. И прошептал в ухо нежно:

– Я так тебе благодарен, Насть... Не бойся, все хорошо будет. Я всегда буду любить тебя, всегда... Завтра же пойдем в загс, подадим заявление. Ты ведь не против стать Ивановой, правда? Фамилия не ахти, конечно... Зато мы все будем Ивановы... Хорошая дружная семья...

– Я согласна, Валь. И фамилия мне очень даже нравится. А сейчас пойдем спать, а? У меня сегодня ночное дежурство было, потом я Олю с Полей в поликлинику на прививку водила, потом надо было им сандалики покупать... Я просто падаю от усталости, Валь! Сейчас возьму и усну в твоих ру-

ках...

Конечно, не так уж она и устала. Просто не хотела, чтобы все случилось вот так, сразу. А оно все равно случилось, да так естественно случилось, так бурно! Будто они давно уже были любовниками и ужасно скучали после долгой разлуки. Почти до утра не спали, только и сумели для сна урвать каких-то полчаса, пока девчонки не проснулись.

Она даже маме забыла позвонить с вечера и предупредить, что не вернется. Потом сунулась в сумку за телефоном, а там куча маминых вызовов! Ну, будут теперь разборки... И поделом, что ж.

Мать всегда остается матерью, и беспокойство ничуть не уменьшается, когда взрослый ребенок пропадает и не звонит.

Тут же отправила ей сообщение – извини, мол, не смогла позвонить, со мной все в порядке. Вечером все объясню...

Объяснение было трудным. Мама плакала. Не могла ее понять. Не хотела.

– И за что? За что ты его любишь? Что в нем особенного, скажи?

– Странный вопрос, мам... Что значит – за что? Любят ведь не за что-то, любят без всяких условий... Когда начинаешь размышлять, для чего и за что, это значит, и не любишь вовсе.

– То есть ты хочешь сказать, что с пустой головой влюбилась? Не размышляла, себя не контролировала?

– Ну да... Так и есть. Сердцу не прикажешь, мам, оно свою правду знает, ему наплевать на всякие там размышления и на самоконтроль.

– А это правильно, по-твоему? Правильно разве только на сердце рассчитывать? Да это ж беда, Настя, это беда... Он же, твой Валентин, тоже не слепой, он же видит, что ты безоглядно влюбилась! Он этим и пользуется! Ты хоть понимаешь, что ему не жена любимая нужна, а мать для детей? Что им-то как раз голый расчет и самоконтроль руководит? Ему не жена, ему мать для детей нужна, повторяю тебе еще раз, чтобы ты услышала меня наконец!

– А это не одно и то же, мам? Когда и мать, и жена? Пусть даже если расчет...

– Нет, милая моя, далеко не одно и то же... Ты просто обезумела, ты сейчас рассуждать здраво не можешь. Так послушай хотя бы, что тебе мать говорит... Хоть раз в жизни послушай!

– Я не буду слушать, мам. Я знаю, что ты скажешь. Тем более мне некогда... Надо себя в порядок привести, понимаешь? Мы с Валеёй сегодня в загс идем заявление подавать. А потом посидим где-нибудь, отметим... Кстати, ты не посидишь пару часов с детьми? К тому же тебе пора давно с ними познакомиться. Они замечательные девчушки, тебе понравятся!

– Нет уж, уволь! Не надо мне ни девчушек, ни мальчишек! Сама эту кашу заварила, сама и расхлебывай!

– Мам, ну зачем ты так... Я же знаю, что ты очень добрый и отзывчивый человек. У девчонок ни одной бабушки нет... Да у них вообще никого из родственников здесь нет...

– А ты не дави на мою жалость, не дави! Да, я добрый и отзывчивый человек, ты права! И мне в первую очередь свою родную дочь жалко! Ну куда ты хочешь вляпаться, куда, сумасшедшая? Сядь и подумай, охолонись немного! А то смотри-ка... Позвал вдовец с детьми замуж, а она и побежала, задравши хвост от радости! Куда бежишь-то, сама подумай?

Не стала она думать, конечно же. Потому что чувствовала себя абсолютно счастливой на данный момент. Бегущей задравши хвост, как некрасиво выразилась мама. Ну и пусть некрасиво, какая ей разница... И маме эту некрасивость можно простить. Да все и всем можно простить, когда внутри тебя счастье поет! На сто лет вперед простить...

Через месяц их расписали, и стала она Настей Ивановой законным образом. Оформила удочерение Оли и Поли, и прибавился к статусу замужней дамы еще один статус – материнский. И началась новая жизнь...

Трудная была жизнь, да. Девочки росли, не успели они с Вале́й опомниться, как пора было их в первый класс собирать. А еще она записала их в школу спортивных танцев, чтобы развивались физически хорошо. Способности у них были отменные, все вразнобой об этом говорили. Были у Вале́й все же поползновения насчет балетной школы, но тут она воспротивилась:

– Нет, Валь! Мы уже с тобой обсуждали когда-то эту тему! Там ведь режим, там строгости, там полная самоотдача... Да там надо в общежитии при школе жить, представляешь? Они ж подумают, что мы таким образом избавиться от них хотим, отстраниться... Нет, пусть лучше спортивными танцами занимаются! Чем плохо, скажи? Зато дома живут, под нашим приглядом...

– Да я разве спорю, Насть, что ты? Я же просто предложил... – покладисто согласился Валя. – Как считаешь нужным, так и поступай... Ты же мать, тебе виднее.

Как она ему благодарна была за это непринужденное «ты же мать»! И как старалась быть матерью, несмотря на все трудности воспитания! А трудности были, еще как были... Куда ж без них. С Олей они как-то сразу ладили, а вот Поля... Характерец у Поли был еще тот, оторви да брось. Своенравный, горделивый. Ты ей слово – она тебе два в ответ. И попробуй переспорь! Потому приходилось подстраиваться: и уступать, и хитрить иногда...

Семейных хлопот было много. Валентин после ее появления в семье весь ушел в работу, будто нагонял упущенное. Да и заработать старался побольше, чего уж там. Иногда совсем поздно домой приходил. Она понимала, никогда его ни в чем не упрекала. Однажды будто невзначай заговорила с ним о ребенке – мол, где двое детей в семье, там и трое... Он глянул виновато, проговорил осторожно:

– Давай чуть позже, Насть? Пусть девчонки подрастут...

Кто знает, как они все это воспримут? Вдруг ревновать начнут...

Ее покорило слегка Валин ответ. Что значит – «все это»? Рождение общего ребенка – это не радость, что ли? Оно называется – «все это»?

Впрочем, он тут же поправился, заговорил быстро:

– Конечно, у нас обязательно будет третий ребенок, Настя! Я просто хотел сказать... Не сейчас... Я же вижу, как ты устаешь... А девочки подрастут и будут тебе помощницами! Чем плохо, а?

Она улыбнулась, кивнула согласно. Он был прав – уставала она ужасно. Хорошо, что мама ей помогала. Она, хоть недовольна была поначалу, смирилась со временем и девочек всем сердцем полюбила. Хоть и строга была с ними, но как-то по-особенному строга, как заботливая бабушка. Даже Польшка маму больше слушала, чем ее...

И вот уже девять лет прошло. Девчонкам уже по тринадцать, а общего ребенка они с Валею так и не родили. Может, зря...

Настя вздохнула, глянула на часы, удивилась тихо – уже без десяти одиннадцать! Ничего себе, как быстро воскресное утро пролетело, можно сказать, псу под хвост! В доме работы невпроворот, а она сидит, воспоминаниям предается! Надо идти на кухню, обед готовить... Девчонки с тренировки голодные придут. Да и Валя скоро проснется, наверное... Он всегда по воскресеньям отсыпается, на неделю вперед. Рабо-

тает много...

На обед она задумала рассольник сварить. И рыбных котлет нажарить. А на гарнир можно гречку... И салат, обязательно овощной салат! Главное, чтобы в меню калорий не много было, а то девчонки от обеда откажутся. Им форму держать надо. А Валентину вообще все равно, что на обед съест, он в этом смысле неприхотлив...

Как назло, уронила пустую кастрюлю на пол, она грохнула гулко. Вот неловкая какая, Валу наверняка разбудила!

Он и впрямь через пять минут вышел на кухню – глаза припухшие, заспанные.

– Доброе утро, Насть... Ты чего тут хулиганишь?

– Да вот кастрюлю уронила... Я тебя разбудила, да?

– Все нормально, хорошо, что разбудила. Сколько можно спать? А девчонки где?

– На тренировку ушли...

– Что, и в выходной тренировка? А они тебе лапшу на уши не вешают, случаем? Придумали причину, чтобы гулять уйти?

– Нет. Я не верю. Зачем им обманывать? Мы ж их под замком не держим... Они и так могут идти, куда захотят.

– Ох уж эти мне танцы-шманцы... Лучше бы чем-то серьезным увлеклись. Еще и с такой гордостью тренировкой свои занятия называют... Это ж не спорт, какие еще тренировки!

– Так это спортивные танцы, Валь... У них там физиче-

ская подготовочка должна быть – будь здоров. Ты хоть раз видел, как они танцуют?

– Да видел, видел... Здорово, конечно. Но все равно... Это же танцы, не более того.

– Спортивные танцы, повторяю тебе! Ты знаешь, что они скоро на соревнования поедут? Всероссийские, между прочим?

– На соревнования? По танцам?

– Ну да... А чему ты так удивляешься?

– Да нет, ради бога... Просто я, наверное, от жизни отстал.

Ничего в ваших делах не понимаю.

– В ваших? В каких это – ваших?

– Ну, в женских... В девчачьих...

– Да, ты мало с девчонками общаешься в последнее время. Можно сказать, совсем не общаешься. Вон даже про соревнования ничего не слышал. А они ведь готовятся, им это важно...

– Что-то я не понял... Это претензия или упрек?

– А как хочешь, так и считай. Как тебе больше нравится.

Только факт остается фактом – надо больше рядом с детьми времени проводить, внимания им уделять больше надо!

– Ну ладно, не сердись. Насть... Ты же знаешь, как я много работаю.

– Так все работают... И я тоже работаю...

– Все, Насть, я понял, понял! Упрек принят, исправлюсь!

Буду больше времени детям уделять! Действительно, свалил

все воспитание на тебя... Несправедливо, однако... Понимаю...

Что-то нехорошее послышалось Насте в этой последней фразе. Обидное. Неправильное. Будто он извиняется перед ней не за то, что мало внимания девчонкам уделяет, а за то, что она им не родная. Не мать по большому счету, а посторонняя тетка, перед которой надо извиниться, что доставил большие и ненужные хлопоты.

Пока она пыталась понять, что это за черная тень внутри пробежала, Валя уже вышел из кухни, пробормотав на ходу:

– Я в душ... Жарко-то как сегодня, а?

Через полчаса снова появился на кухне, уже одетый, тщательно побритый и причесанный. Настя спросила удивленно:

– Ты куда собрался? Сегодня же воскресенье...

– Да я обещал Ивану помочь с машиной... Карбюратор у него забарахлил. Обещал к десяти подъехать, а времени уже – двенадцатый час! Он там ждет, в гараже... Обижается, наверное...

– А почему ты так оделся, Валь?

– Как я оделся?

– Ну... Джинсы новые надел, рубашку хорошую... Запачкаешь же все!

– Да ничего страшного, я у Ивана в гараже переоденусь. У него там полно всякого барахла. Не бойся, вся одежда чистой останется.

– Ладно, как знаешь. Ты есть будешь? Я сейчас сделаю

что-нибудь по-быстрому, обед еще не готов...

– Нет, не надо. Я у Ивана перекушу.

– Где? В гараже?

– Ну что ты к словам придираешься, Насть, ей-богу? Что в этом такого ужасного, если я решил другу помочь?

– Да я не придираюсь... Я просто хочу, чтобы ты поел... Не хочу, чтобы у тебя опять гастрит разыгрался, вот и все. Давай я тебя накормлю!

– Некогда, Насть. Говорю же – опаздываю...

– Куда опаздываешь? В гараж? У вас что, встречи с Иваном по расписанию происходят? Чуть позже никак нельзя прийти? Иван сразу прогул поставит и выговор приказом по гаражу вынесет?

Спросила шутливо, а получилось все равно неловко. И сама испугалась этой напряженной тональности, будто она мужа подозревает в чем, как ревнивая женушка. И добавила торопливо, не дав ему ответить:

– Ладно, иди, иди... Иди, если опаздываешь...

Валя только плечами пожал возмущенно – мол, даже отвечать не хочу на всякие глупости. Повернулся, вышел из кухни. Вскоре из прихожей прилетел запах французского парфюма, безумно приятного – сама ему дарила на двадцать третье февраля. Бешеные деньги отдала за этот парфюм... Помнится, продавщица ее уговаривала с улыбкой – берите, берите, мол! Да, дорого, но вам же в конце концов и придется этим запахом наслаждаться...

Вспомнила, усмехнулась про себя. Наслаждаться придется, ага. Приплыл запах немного на кухню, и хватит с нее. Улетел... Иван в гараже теперь будет запахом наслаждаться.

Кстати, а почему в гараж надо непременно идти с таким благоуханием? Вопрос интересный, конечно...

Нет, она была совсем не ревнива, не чуяла за собой такой грешок. Да и некогда было ревновать, слишком уж бурно жизнь крутилась. И вообще... В доверии как-то легче жить. А может, она просто нутром чувствовала, что есть у нее от ревности некая охранная грамота: Валентин ведь понимает, сколько сил она его детям отдает. Понимает и благодарен. Или благодарность вовсе не является индульгенцией от мужниных измен?

Подумала так – испугалась. И впрямь ведь, никогда она подозрениями не мучилась. Да и Валя ей повода не давал...

А может, и были эти поводы, просто она их не замечала? Или не хотела замечать? Жила себе и жила... Любила его безоглядно, детей воспитывала. Они ж столько времени требуют, столько сил и сердечных вложений...

Как женская душевная организация странно устроена все-таки! Попала в нее ложка дегтя и всю бочку с медом испортила! А главное, так быстро... И весь день пошел наперекосяк, и настроение к вечеру уже никакое. Даже чуткая Поля это заметила, спросила с тревогой:

– Что-то случилось, мам?

– Нет, что ты... Ничего не случилось...

– Но я же вижу! Ты какая насквозь перевернутая, я с тобой разговариваю, а ты будто не слышишь, о чем-то своем думаешь. И даже не спросила, как у нас тренировка прошла. Обычно всегда спрашиваешь...

– Ну? И как же она прошла?

– Да нормально... Я ногу немного потянула в щиколотке, сначала больно было, потом прошло.

– Точно прошло? Может, я посмотрю?

– Да не, не надо. А можно мы с Олькой вечером гулять пойдем?

– Идите, что ж... Разве я вас держу?

– А почему ты не спрашиваешь, куда мы пойдем? Ты обычно с пристрастием спрашиваешь!

– И куда вы пойдете, Польша?

– В парк хотим, на аттракционы. Денег дашь?

– Дам, конечно. Идите, развлекайтесь. У вас же каникулы.

Но чтобы к половине девятого...

– Да знаем, знаем! Чтобы к половине девятого были дома как штык! Вернее, как два штыка!

Польша засмеялась, и Настя улыбнулась ей весело, стараясь казаться беззаботной. Хотя и чувствовала, как разрастается проклятая ложка дегтя внутри, занимает все больше пространства. Даже сопротивляться этому процессу бесполезно, хоть плачь.

Девчонки ушли, а она села в кресло, нервно сжав руки, попыталась сосредоточиться. Ну что она вдруг так запани-

ковала? Из-за чего? Что Валя в новых джинсах в гараж пошел? Что парфюмом надушился? Вот уж подумаешь, недолга какая... Ну да, джинсы, и что? Если есть новые джинсы, почему бы их не надеть в свой законный выходной? А парфюм... Так он по привычке за флакон взялся. Безусловный хватательный рефлекс сработал, вот и все. И хватит об этой ерунде думать, голову себе забивать!

Легче от этих внутренних приказов не становилось. Наоборот, только хуже. Будто сомнение, разросшееся до катастрофы, требовало от нее каких-то действий. По меньшей мере, доказательств требовало. Оставалось только два пути – или предоставить себе эти доказательства, или убедиться в их отсутствии напрочь. Нельзя дать себя уничтожить этой невесть откуда прилетевшей панической атаке.

Но где их добыть-то, эти доказательства, как добыть? Не заявляться же к Ивану в гараж с проверкой, это уж совсем будет – ни в какие ворота! Валя не поймет, ему ж стыдно будет перед Иваном...

Думала, думала... И надумала. Решила с Леной поговорить, с женой Ивана. Не прямо поговорить, а как-то обвиняком вызнаться... Ну, хотя бы тот факт установить, что Валя действительно в гараже у Ивана свой выходной проводит. Лена ведь должна быть в курсе, правда?

Вообще-то они с Леной не были подругами, не получилось у них как-то. Хотя предпосылки для этого были явные – если мужья дружат, то почему бы и нет? И потому надо бы-

ло придумать какую-то причину для скороспелого общения. Ненавязчивую причину. Ни к чему не обязывающую. И она придумалась довольно быстро.

Поднялась решительно из кресла, нашла телефон, кликнула Ленин номер. Лена ответила довольно быстро, спросила удивленно:

– Настя? Привет... Слушаю тебя...

– Привет, Лен! Извини, что с просьбой к тебе обращаюсь. Ты бы не могла мне помочь в одном щекотливом вопросе?

– Да, конечно... Чем могу... А что случилось, Насть?

– Понимаешь, мне платье новое срочно понадобилось... У нас юбилей скоро будет у главврача. Все наши дамочки так модно всегда выглядят... А я как-то отстала в этом вопросе. А у тебя, я знаю, вкус отменный... Ты бы не могла сегодня вечером со мной по магазинам пройтись? Будем считать, что я как к специалисту к тебе обращаюсь...

– К специалисту? – польщенно переспросила Лена. – Ты и впрямь считаешь, что я в этих делах специалист?

– Да... А разве не так?

– Ну, в общем... Да... Я рада буду тебе помочь... Тем более я сегодня вечером совершенно свободна! Иван как раз к матери на дачу уехал...

– Как уехал? Когда? – не удержалась от испуганных вопросов Настя.

– Да вчера с вечера еще... Сказал, что три дня у мамочки своей гостить будет. Ты ж знаешь, как трогательно он от-

носится к мамочке... Я в эти отношения и не суюсь даже, чтобы лишний раз не раздражаться. Ну сама подумай – ведь зрелый мужик, а все за мамину юбку держится! Наблюдать противно! Еще и сказать об этом нельзя – сразу обидится. Вот я и стараюсь, как умная невестка, нейтральную позицию держать, наблюдать и не вмешиваться...

Лена все говорила и говорила, попав на свою излюбленную тему, и Настя слушала ее автоматически. Хотя внутри все криком кричало – уехал Иван... Еще вчера... На три дня, к мамочке... Уехал, уехал...

– Эй, Насть... Ты где? Ты не слышишь меня, что ли?

– Я слышу, Лен... Извини...

– А чего не отвечаешь? Я спрашиваю, где и когда встретимся? Лучше в центре, там бутиков больше... А какой ты суммой располагаешь, Насть? Если платье покупать, надо ведь, чтобы к нему и туфли соответствующие были. Новые туфли тоже потянешь, или как?

– Ой, Лен... Я неожиданно вспомнила – я ведь не могу сегодня... Я ж маме обещала сегодня дома быть... Она с минуты на минуту приехать ко мне должна... Извини, Лен, зря я тебя побеспокоила, извини!

– Да ладно, чего уж... Тогда скажи, когда за платьем тебе пойдём? Может, завтра? Я завтра тоже свободна!

– Нет, я не могу... У меня дежурство завтра. Прости... Потом как-нибудь созвонимся еще... В другие дни...

– Хм! Странная ты какая-то, Насть. Сама же позвала и са-

ма же передумала... Я уж настроилось было, стойку сделала! Люблю по магазинам ходить, просто хлебом не корми, как люблю!

– Прости, Лен... Я потом тебе перезвоню. Пока...

– Погоди, погоди! Не выходи из разговора! Я ведь поняла, кажется, чего ты звонишь... Поняла, что тебе никакого платья не надо. Ты Валентина своего проверить хотела, да? Он тебе сказал, что к Ивану в гараж пошел? Правильно я угадала? Да ты не молчи, что ты! Дело-то ведь житейское! Я своего Ваньку все время, например, проверяю! И ничуть этого не стесняюсь! В конце концов, жена я ему или кто?

– Ну... В общем... Ты права, Лен, да...

Ох, с каким трудом далось ей это признание! А что было делать? Ведь Лена ее, между прочим, к стенке приперла, и было бы глупо все отрицать. Теперь придется и эту тему еще обсуждать... Тем более Лена за нее так радостно ухватилась:

– Выходит, я твоего Валу с потрохами заложила, да? Наврал тебе, что к Ивану в гараж поехал? Во дает, зараза... Представляю, как ты его встретишь, когда домой придет! И мой тебе совет – бей сразу и резко! Не давай ни на секунду опомниться!

– В каком смысле – бей? – испуганно переспросила Настя. – Чем – бей? Скалкой по голове, что ли? Или сковородкой?

– Ну, это хорошо, что ты в этой ситуации еще и шутить можешь... Молодец, отлично держишься! Нет, скалкой и ско-

вородкой не надо, конечно... Это ж я так, в фигуральном смысле сказала. По психике бей, понимаешь? Сломай его сразу, чтобы сам во всем сознался и в ужас пришел от содеянного! И в ноги упал... Но сразу не прощай, постращай маленько. Мол, никогда и ни за что не прощу. Мол, душа моя женская нежная оскорблена навеки. Уж я-то знаю, что говорю... Была в твоей ситуации, и не раз! Мой Ванечка тот еще кобелина... Знаешь, сколько раз я его на вранье ловила и практически на месте преступления заставляла? Да не сосчитать, что ты... И потому прими мой совет – бей сразу и резко, иначе вывернется! Вот я тебе расскажу, как в последний раз было...

Лена распалаясь все больше и больше, щедро делясь собственным опытом. Настя слушала вполуха, думая только о том, как быстрее выйти из этого диалога: слишком уж явно слышались радостные нотки в голосе Лены. Злорадство бабское. Мол, не одна я такая, у всех бывает. И ты, мол, Настенька, тоже хлебни...

– А раньше ты что, ничего такого за ним не замечала, да, Насть?

– Нет, не замечала... Да я и не старалась как-то...

– Ну и зря! Надо все время руку на пульсе держать, ты что! Карманы проверять, в телефоне контакты просматривать, переписку опять же... Хотя кому я это говорю, господи? Ты ведь у нас не такая, Настенька... Это мы из простых, а ты...

Лена вдруг замолчала на полуслове, будто спохватилась, что скажет что-то неправильное. И тут же голос ее зазвучал в другой тональности, в ласково-просительной:

– Ой, Насть... Я ведь совсем забыла... Я ж тебя попросить хотела! Ты мою двоюродную сестру не посмотришь? Ну, ей бы анализы по-быстрому организовать, УЗИ пройти, кардиограмму... Ей карту санаторную срочно оформить надо, а сама ведь знаешь, как нынче по врачам ходить, как у каждой двери по два часа сидеть надо... Можно она подойдет, когда тебе будет удобно, Насть?

– Хорошо, пусть приходит... Завтра, во второй половине дня. Третий этаж, кабинет триста одиннадцатый.

– Ой, спасибо, Насть... Я в долгу не останусь, обещаю. И вообще... Нам надо почаще созваниваться, мы ж с тобой не чужие, правда?

– Да, Лен... Обязательно... Извини, я больше не могу говорить. Пока, Лен...

Новая информация так оглушила ее, что сидела еще долго в кресле, поджав ноги и глядя в одну точку. И почему-то сильно сжимала телефон в ладони, будто хотела выдавить из него послевкусие плохого разговора. Даже мыслей никаких в голове не было: ни возмущенных, ни отчаянных, ни испуганных. Никаких. А потом накатило вдруг изумление – да как же так-то, как же так получилось, ведь все у них было хорошо с Валец... Прекрасные отношения, налаженный быт, хлопоты с детьми – все, как бывает в счастливых семьях! Да

он даже ни одной претензии за все время ни разу ей не высказал, недовольства не проявил! Как же так-то?! Как?

Или было недовольство? И претензии были – не высказанные? Просто она так растворилась в своем бытовом счастье, что не замечала ничего? Неужели она была так слепа, господи? Так любила безоглядно – до слепоты? Слишком старалась быть ему хорошей женой, а детям – хорошей мачехой?

Но ведь нет ничего ужасного в том, что она старалась... Разве можно за это наказывать? Разве можно вот так... Подло обманывать? За что? За что! За что-о-о-о...

Странно, но слез почему-то не было. А было одно желание – получить ответ на свой вопрос: за что? Немедленный причем ответ...

Подняла руку с телефоном, разжала ладонь, дрожащими пальцами кликнула номер Валентина. Долго слушала длинные гудки, пока не ткнулся в ухо металлический голос оператора – мол, абонент не отвечает, перезвоните позже.

Значит, трубку не берет. Не слышит. Занят. Так занят, что любые звонки – лишние. И лучше даже не представлять, чем он сейчас занят...

Но как, как не представлять-то? Разве внутренним приказом заставишь себя не представлять?

Надо на что-то отвлечься, вот что. Иначе можно с ума сойти. Да хотя бы с места сдвинуться, на ноги встать... Чего сидит в кресле, как изваяние?

И тут же вздрогнула от звонка в дверь – длинного, требо-

вательного. Так только девчонки звонят – сколько раз им выговаривала, что нельзя так ее пугать! Ведь ключи есть, можно самим дверь открыть... Или это Валя пришел?

Бросилась в прихожую, кое-как справилась с замком – слишком руки дрожали. Распахнула дверь...

За дверью стояли девчонки, как-то странно обнявшись. У Оли лицо испуганное, у Поли – почти страдальческое. Оля проговорила быстро:

– Мам... Поля ногу потянула, я ее кое-как довела до дому... Как раз в том месте и потянула, в щиколотке, где болело после тренировки! Я тебе звонила, звонила, и все время было занято!

– Да, занято... Я с тетей Леной долго разговаривала... Поля, давай, я тебе помогу...

– Ой, больно, мам! – вскрикнула Поля, когда она подхватила ее с другого боку.

– Потерпи... Сейчас до кресла доковыляем, ты сядешь, и я тебя посмотрю...

Оказалось, ничего страшного. Вывиха нет, просто сильный ушиб. Огладила Полю по плечам, проговорила ласково:

– Ничего, до свадьбы заживет... Сейчас компресс сделаем, потом я тебе тугую повязку наложу... Но дня два полежать придется, поболит еще. И как тебя угораздило – два раза, и все в одно и то же место? Боюсь, что двумя днями тут и не обойтись...

– Да как два дня, мам? У нас же завтра тренировка! А по-

слезавтра городские соревнования!

– Ну ничего страшного, пропустишь соревнования. У тебя же уважительная причина, правда?

– Да как?! Как это я пропущу, ты что? У нас же с Олькой сольный выход, мы «семь сорок» танцуем! Сделай что-нибудь, мам! Укол какой-нибудь поставь, чтобы я боль не чувствовала!

– Ладно, ладно... Не волнуйся так. Давай хотя бы до завтра доживем, а там посмотрим... Давай я тебе до кровати помогу дойти. Ужинать тоже будешь в постели, ничего не поделаешь...

– Тогда и я буду в постели ужинать! – предложила Оля, преданно взглянув на сестру. – Как Польша, так и я!

– Ладно, как хочешь... – Настя махнула рукой, и девчонки взглянули на нее удивленно, не ожидая такой покладистости. – Сейчас я котлеты подогрею и салат нарежу... И все принесу...

Пока резала овощи для салата, еще три раза пыталась набрать Валин номер. И снова слушала гудки, и снова они обрывались голосом оператора...

– Мам... Давай, я тебе помогу! – услышала за спиной Олин голос.

– Да у меня уже все готово, Оленька... Сейчас принесу...

– А чего ты такая, мам?

– Какая – такая?

– Ну... Будто пришибленная. И глаза такие... Как у со-

седского спаниеля Тишки. Впервые тебя такой вижу... Что-то случилось, а мы с Полькой не знаем, да? Что-то с папой, мам?

– Нет, нет... Все в порядке с вашим папой. Не волнуйся.

Даже сама не поняла, как легко произнесла – с «вашим папой». Раньше никогда бы так не сказала. Потому что папа в их разговорах всегда фигурировал как «наш», а тут вдруг выскочило. Оговорочка по Фрейду, что ли? Пора уже отделять мух от котлет, что «наше», а что «ваше»?

Слава богу, что Олька ничего не заметила. Подхватила тарелки, понесла их в комнату.

– Я чай чуть позже принесу, Оль... – тихо проговорила ей в спину Настя.

Снова кликнула номер Валентина. И снова получила то же самое. Как в той песне: крикну – а в ответ тишина... Да, кричать было бы легче, наверное. И вообще... Хватит уже звонить! Надо просто взять себя в руки и ждать... Ведь придет же он домой рано или поздно!

Через час он вдруг позвонил, спросил с тревогой в голосе:

– Что-то случилось, Насть? У меня столько вызовов в телефоне... Что-то с девчонками, да?

– Нет. С девчонками все в порядке. Это у меня случилось, Валь. Вернее, у нас... Ты можешь прямо сейчас домой приехать? Иначе... Иначе я с ума просто сойду...

– Да что случилось, ты можешь вразумительно объяснить?!

– Нет, вразумительно не могу... И сама ничего не понимаю... Это ты должен мне объяснить – вразумительно...

– О господи... Ладно, сейчас приеду. Если уж так приспичило...

– Давай. Жду.

Опустила руку с телефоном, глянула на часы. А время-то и впрямь детское – всего-то девять часов! А ей казалось, вечность маетная прошла, пока дозванивалась... Наверное, Вали и не планировал так рано домой возвращаться! Наверное, у него в самом разгаре было все это... Как оно называется, даже слова не подобрать! Свидание? Любовь? Адюльтер? Фу, какое слово мерзкое – адюльтер...

Для себя решила, что все вопросы задаст ему прямо в лоб. Чтобы все было по-честному. И ответов от него потребует тоже честных. А потом... Что же будет потом? Как же они теперь жить будут – со всем этим? Ведь дальше с этим жить не получится...

Не получится, потому что не сможет она. Вот если бы не любила – смогла бы, наверное. А так... Слишком больно будет жить с этим дальше. Невыносимо больно.

Господи, а как же девчонки? Что ж она только о себе думает? Девчонки-то ей ничего плохого не сделали, они не виноваты ни в чем! Она же для них мать... Ой, что же теперь будет, господи? Неужели надо смириться с Валиным предательством из-за девчонок?

Так для себя и не определила разумного выхода. Да и есть

ли он вообще, этот выход? Вот уже и дверь в прихожей хлопнула – Валя пришел...

Выскочила из кухни, закрыла плотно дверь в девчачью комнату. Не надо им предстоящий разговор слышать... Столкнулась с Валею в коридоре и отпрянула от него испуганно.

– Что с тобой, Насть? Ты чего от меня так шарахаешься? – спросил он почти весело, и эта веселость придала ей еще больше решительности.

– Иди на кухню, там поговорим...

– Ну хорошо, хорошо... Как скажешь...

Войдя вслед за ним на кухню, она так же плотно притворила дверь, развернулась, оперлась о нее спиной. И спросила тихо:

– Ты где сейчас был, Валь?

– Как где? У Ивана, в гараже... Я же говорил тебе утром!

– Нет, Валь. Не было там тебя. Иван еще вчера к матери на три дня уехал. Я Лене звонила, она мне так сказала. Где ты был, Валь? Только давай правду, ладно? Это я раньше каждому твоему слову верила безоглядно, а теперь... Теперь не смогу больше. Правду давай. У тебя кто-то есть, да?

Валя качнулся на стуле, отвел взгляд в сторону. Лицо его вмиг будто стекло вниз, кадык на худой шее дернулся мучительно.

Настя ждала. Ждала, что он заговорит. Валя молчал. Он так страшно молчал, что она не выдержала:

– Говори все как есть, Валь... Я же знаю, что ты врать не умеешь. Говори... У тебя кто-то есть, да?

Валя снова сглотнул трудно, потом замотал головой, и непонятно было – то ли он возмущен ее вопросом, то ли просто не может произнести ни слова. Проговорил хрипло:

– Ой, Насть... Что же ты со мной делаешь... Если б ты знала, как мне трудно сейчас...

– Мне тоже трудно, Валь. Но что делать? Что ты мне предлагаешь? Молчать и ничего не спрашивать? Сам понимаешь, выхода у нас нет... Надо сказать, Валь. Набраться смелости и сказать. Только не придумывай ничего, ладно? Я же сразу пойму... Где правда, а где ложь, сразу пойму!

– Да, выхода нет, получается...

Валя вздохнул так, что она сразу поняла: он сейчас правду скажет. Ту самую ужасную правду, которой она так боится и о которой слышать ничего не хочет. Уже – не хочет. Зачем, зачем она затеяла этот разговор, не надо было! И неужели теперь поздно вернуть все назад, в то самое время, когда жила в счастливом незнании?

Сердце так сильно бухало внутри, что даже и не расслышала, что в следующую секунду произнес Валя. Но услышать все же пришлось... Сама этого хотела, вот и пришлось!

– ...Хорошо, я тебе скажу. Все как есть скажу. Я влюбился, Насть... Да, влюбился. И ничего с собой не могу поделаться. Это... Это сильнее меня оказалось. Я думал, что смогу с этим справиться, но нет... Не получается у меня. Если б

ты знала, как мне тяжело тебя обманывать... Как мерзко...
Поверь, я этого вовсе не хотел, слышишь?

– Да, Валь... Да, я тебя услышала. И знаешь... Я бы даже поплакала сейчас, накинулась бы на тебя с кулаками, с обвинениями... Да, если бы смогла. Но отчего-то сил нет... Мне кажется, еще немного, и я... Я просто умру... Такая вдруг пустота ледяная внутри образовалась... А впрочем, что это я о себе! Давай решать, что же нам дальше делать. Ты... Ты уйдешь к своей любимой, да?

– Нет. Никуда я уходить не собираюсь. Как же я уйду, ты что? У меня же здесь дети... Мои дети...

– Ах, у тебя дети... Твои, стало быть, дети... Уже не мои, да? Ты хочешь сказать, что они в один миг мне чужими стали?

– Нет, нет... Вовсе я это не хотел сказать, Насть, что ты... Я же знаю, какая ты хорошая мать. Как они тебя любят... Даже больше, чем меня, любят. И поэтому я не смогу... Да, я не знаю, что мне делать, Насть. Совсем запутался... Что мне теперь делать, а?

– Ты у меня спрашиваешь? Ты хочешь, чтобы я за тебя все решила? Хорошо, я решу...

Закрыла глаза, набрала в грудь побольше воздуха, будто перед прыжком в ледяную воду. И проговорила тихо, сама не веря тому, что это она сейчас произносит:

– Уходи, Валь. Если разлюбил, уходи. Зачем жить с нелюбимой женщиной? Жить и все время думать о другой? Это,

знаешь ли, оскорбление для той, которая нелюбимая...

– Но Насть... Как же... – почти прошептал Валя тихо и удивленно. А она повторила уже более решительно:

– Уходи, Валь! Не хочу с этим жить, не хочу... Не смогу просто. Уходи!

– Насть... А девчонки как же? Как я им... все объясню? Они ж не поймут... Ну что я им скажу, что? У вас новая мачеха теперь будет?

Настя вздрогнула и согнулась, будто ее сильно ударили кулаком под дых. Отдышавшись, проговорила тихо, но довольно решительно:

– Не будет у них другой мачехи, Валь. Они что, игрушки, чтобы передавать их из рук в руки? Нет, я этого просто не позволю... Тем более ты сам только что сказал – они меня любят... И я их тоже люблю, Валь. Они и мои дети тоже. Они стали моими детьми сразу, как я в твой дом пришла. Нет-нет, никакой другой мачехи у них не будет... Об этом даже и речи нет, Валь. И не говори больше об этом, я и слушать не буду! Девочки останутся со мной, это даже не обсуждается!

– Насть... Я все понимаю, конечно... Но мне-то что делать прикажешь, а? Это ведь мои дети, пойми... Если мне надо уйти... Я должен вместе с ними уйти, иначе как же... Я ж им родной отец! А они мои дочки!

– А я мать... Я им мать, понял?

Настя с трудом сделала несколько шагов в сторону Валентина, наклонилась, произнесла еще раз ему прямо в лицо:

– Я им мать! И я их тебе не отдам, слышишь? Иди на все четыре стороны, если без своей любви жить не можешь! Я тебя не держу! Иди! Прямо сейчас уходи, слышишь? А девочкам я сама все объясню, не переживай.

– Нет, я так не смогу, что ты... Я лучше останусь... – поднял на нее страдальческие глаза Валентин. – Если так... То я лучше останусь...

– Как же ты останешься? Если ты меня разлюбил?

– А может, я тебя и не любил вовсе, Насть? Ты никогда над этим не задумывалась? – вдруг резко спросил Валентин. – Да, ты хорошая, ты умница, ты... Ты очень правильная во всем... И любила меня, я знаю. Так любила, что душила меня своей любовью! И не видела, не понимала, что я... Что я выбирал мачеху для детей, когда женился, а не любимую для себя женщину... Ну, в том смысле выбирал, что ты девчонок моих будешь любить, это ж видно было... Я о них больше думал, чем о себе! Понимаешь ты это или нет?!

Насте показалось, что она перестала дышать. Что она уже никогда не сможет дышать. Попыталась набрать в грудь воздуха, но получилось плохо. Вместо вдоха вышел какой-то подвывающий всхлип, очень громкий, похожий на крик. Следом еще один. И еще...

Она без сил опустилась на стул, держась за грудь. Валя подскочил, быстро налил воды в стакан, сунул ей в руки. Она хотела попить, но вода тут же выплеснулась обратно, и горло схватило спазмом. Тяжело закашлялась. А прокашлявшись,

снова проговорила хрипло:

– Уходи... Уходи, Валь... Пожалуйста... Уходи быстрее...

– Да, я уйду. Прямо сейчас уйду. А что мне делать останется после всего, что сказал? Но все равно, Насть... Я уйду, но потом за детьми вернусь. Да, я подлец, я делаю тебе очень больно, я знаю. Да я же тебе жизнь сломал сейчас, если на то пошло... Но иначе я не смогу, прости. Они же мои дети, ведь не станешь же ты со мной спорить, правда? И я за ними должен вернуться, пойми.

– Это мои дети, Валя. Я их удочерила. Мои... Мои...

Она хотела еще-то сказать, но не успела. Дверь на кухню с грохотом распахнулась, явив им возмущенные лица девчонок. Те стояли, обнявшись, смотрели исподлобья. Двое из ларца, одинаковых с лица. Полька стояла, пождав больную ногу, Олька крепко держала ее за талию.

– Мы все слышали, понятно вам? За дверью стояли и слышали! – звонко выкрикнула в кухонное пространство Полька. – И пока вы тут... спорили... мы сами все решили, вот! В общем, никуда не пойдём, пап, мы с мамой останемся. Зачем ты ее так обидел? Что она тебе плохого сделала? Если ты так с мамой... то и уходи к этой своей... И без тебя как-нибудь проживем, понятно? Прямо сейчас уходи! Ты предатель, папочка, вот ты кто!

Настя вмиг перестала плакать, смотрела на них во все глаза. Валя тоже смотрел на дочерей удивленно. Не ожидал, наверное, такого резкого поворота событий... Потом поднял

вверх плечи, развел руки в стороны, проговорил тихо:

– Девчонки, вы что? Вы в самом деле хотите... Хотите, чтобы я ушел?

– Да, хотим! Ты маму обидел! Мы все слышали! – резко повторила Польшка, пытаясь прыгать на одной ноге в сторону Насти.

– Но я ведь люблю вас... Я все равно за вами приду... Потом приду... Я вас все равно не оставлю...

– Иди, Валь. Иди... – тихо проговорила Настя, опуская голову. – Вещи твои я потом соберу... Позвоню тебе, когда можно будет забрать. Иди...

Когда в прихожей за ним захлопнулась дверь, они втроем вздрогнули почти в унисон. Девчонки обняли ее с двух сторон, а она гладила их по волосам, по плечам, по рукам... И плакала, и бормотала сквозь слезы:

– Спасибо... Спасибо, мои родные... Я вас очень люблю, вы самые мои родные, вы мои дочки милые... Спасибо, спасибо...

– Ничего, мам, он еще пожалеет, что обидел тебя... Он еще вернется и будет прощения просить, вот увидишь! Все будет хорошо, мам... – тихо шептала ей на ухо Оляка.

– А хочешь, мам, мы тебе сейчас покажем наш сольный танец? Увидишь, как у нас классно получается! – весело спросила Польшка.

– Да какой танец, у тебя же нога...

– Ну, Оляка одна покажет! Тебе сразу лучше станет, там

такая музыка быстрая и веселая, это же «семь сорок»! Олька, врубай музыку! Танцуй, Олька! Танцуй!

* * *

Лара отпила глоток вина, переключила телевизор с одного канала на другой. Опять ерунда какая-то... Да что же эти телевизионщики так плохо работают, что даже ничего интересного придумать не могут для воскресного вечера? Ведь совсем нечего смотреть! В одной программе про «умное» шпарят, в другой – про политику... Можно, конечно, романтический слезливый сериал посмотреть, но ведь надоело уже! У нее в жизни сейчас тоже романтика происходит, не хуже сериальной. И поплакать есть над чем. Она ведь не хуже той самой сериальной героини вляпалась в отношения с женатым, теперь злится... Попробуй-ка заставить его перешагнуть через выдуманную им же самим порядочность! Подумаешь, не может он жену бросить, ради детей должен жить... Дети-то ведь его, между прочим! Взял их в охапку и ушел! И порядочность свою сохранил, при нем бы осталась! А жена... Жена переживет как-нибудь, что ж. Не первая она и не последняя, которая в этой ситуации оказалась.

О, а вот и он звонит... Соскучиться успел, значит... Хотя и расстались всего пару часов назад!

– Да, Валечка... Я слушаю тебя, милый... – проворковала она нежно в телефон, успев выключить телевизор.

– Лара, я еду к тебе. Я так решил... Я поговорил с Настей, мы расстались. Я еду к тебе, Лара!

– Погоди, милый... Я не поняла... Ты что, ушел из семьи?!

– Ну да... Ты же сама этого хотела. Мы будем теперь всегда вместе, Лара.

– А дети? Ты с детьми едешь?

– Нет... Они остались с Настей. Пока... Я их потом заберу. Им же привыкнуть как-то надо к тому, что все изменилось... Потом я обязательно их заберу...

– Да, милый, да! Заберешь, конечно! Я жду тебя, милый... И будь осторожен за рулем, умоляю тебя! Представляю, в каком ты состоянии сейчас... Тебе ведь нелегко разговор с женой дался?

– Не то слово, Лара... Не то слово...

– Держись, милый! Представь, что я рядом, держу тебя за руку... Ну все, не буду больше отвлекать разговорами, просто буду тебя ждать... Как я счастлива сейчас, если б ты знал, как я счастлива!

Лара нажала на кнопку отбоя, вздохнула легко. Вот и все! Конец домашней скуке! Теперь она не будет одна-одиношенька в этом большом доме... Доме, который пугает ее по ночам, в котором так неприятно холодна бывает кровать в спальне на втором этаже... Жизнь начинается сначала, и это прекрасно, и дом пусть оживает! Хватить ей вдовствовать, давно пора...

Она подскочила с дивана, подошла к камину, где стояла в рамке фотография покойного мужа. Даже на фотографии глаза у него сердитые. И лицо будто недовольное, надменное слегка. Дряблые щеки, залысины, мешки под глазами.

– Я замуж выхожу, Павел! – торжествующе обратилась она к фотографии. – Наконец-то выхожу замуж, ты слышишь? И не смотри на меня так... Я очень хочу быть счастливой, я не хочу жить одна!

На миг показалось, что покойный муж на фотографии еще больше нахмурился, поджал губы. Даже немного жутко стало, но Лара взяла себя в руки, задорно потрянула черными кудряшками и даже подбоченилась слегка, весело выговаривая:

– Нет, а ты как думал, а? Что я остаток жизни буду вот так сидеть в твоём большом доме и телевизор смотреть? В свои тридцать пять – и только телевизор? Ты этого хотел, да? Seriously? Ну, знаешь... Не будет этого, извини... А если не хочешь на мою новую жизнь смотреть, то и не смотри, я ж тебя не заставляю!

Схватив фотографию в руки, она лихорадочно огляделась, рыская глазами по гостиной: куда бы спрятать? А, вот, можно в шкаф... На полку... Подальше вглубь пропихнуть, подальше... Чтобы забыть про эту фотографию совсем, чтобы на глаза не попадалась! И чтобы новой жизни не препятствовала...

Нет больше одиночества, все! Враз кончилось! Два года в

этом одиночестве прожила... Хватит, хватит!

Хотя, если рассуждать честно, это одиночество было не хуже, чем прежняя замужняя жизнь. Мерзкая замужняя жизнь... Да если подумать, разве это можно было назвать жизнью? Ведь шла в спальню все замужние годы как на голгофу... Даже рядом с Павлом ложиться было противно, если на то пошло! А уж остальное терпеть... Все эти его покушения на исполнение супружеского долга... Фу, не надо вспоминать, не надо! Зачем такой счастливый момент портить? Сейчас Валя приедет, и начнется новая жизнь...

По отношению к Павлу были у нее совестливые обязательства, этого нельзя отрицать. Как-никак, а он очень ее любил. Как мог, как умел. Но и радоваться особо этому не будешь, правда? Разница-то в возрасте – ого-го! Ей еще и восемнадцати не исполнилось, когда он ее приглядел. А ему было почти шестьдесят...

Она тогда курсы парикмахеров закончила, только-только на работу устроилась и стричь-то не умела толком. Да и вообще... Не нравилось ей это занятие. Ну что такое – парикмахер? Это ж сколько времени вкалывать надо, чтобы хоть какую-то карьеру сделать? Редко у кого получается, чтобы на этом поприще расцвести как достойная личность. Чтобы свой салон был, чтоб деньги неплохие выручать... Еще и мама все время свои грустные заунывные песни ей в ухо пела: – Ой, Ларка, Ларка... Ничего ведь путного из тебя не получилось, с какой стороны ни глянь... Школу кое-как закон-

чила, способности к учебе никаковские. Ни ростом не вышла, ни статью... Одно только богатство и есть что мордашка смазливая. От отца-гулены тебе достались и кудряшки черные, и глаза зеленые, кобелиные. А больше и нет в тебе ничего...

– Мам... Ну ты скажешь тоже – глаза кобелиные...

– А какие еще? Такие глаза только для этих дел и годятся. Так смотрят, будто в себя втягивают, засасывают. Уж ты мне-то не рассказывай, я знаю, о чем говорю! Сама в эти кобелиные глаза провалилась когда-то. И что теперь имею? Твой папочка-кобель пропал, как и не было, а я тебя одна всю жизнь ращу... Своей жизнью и не жила почти, сама ведь знаешь. Только для тебя и старалась.

– Да я все понимаю, мам... Понимаю, как тебе трудно было. Просто мне выражение это не нравится – глаза кобелиные... Как-то оскорбительно даже звучит...

– Ну да, согласна. Но если я их другим словом назову, к женскому роду более подходящим... Совсем уж нехорошо получится, согласишься. Не могу ж я так выражаться, я женщина вообще-то культурная. Да еще по отношению к своей родной кровиночке... Но если хочешь, то могу и как есть проговорить! У меня не задержится!

– Да поняла я, поняла, мам, какое ты слово хотела сказать! Не надо, мам, ладно? Оставь при себе... Тем более мне мои глаза нравятся! Но по большому счету ты права, в общем... Сама знаешь, как все парни за мной в школе бегали! А я –

ни с кем... Я своего дождусь, который... Который мне все в жизни даст... Уж я своего не упущу, вот увидишь!

– А вот это правильно, дочка! Одобряю! Иначе как ты в жизни чего-то добьешься? Так и простишь у своего парикмахерского кресла... Смотри не прогляди, когда в него нужный клиент сядет, не упusti удачу!

«Нужным клиентом» оказался Павел, хотя поначалу она его вовсе в этом качестве не рассматривала. Как-то по-другому ей представлялся этот самый «нужный клиент»... Не юным красавцем, конечно, но и не таким... Жизнью натруженным и неказистым.

Павел пригласил ее на свидание после третьего посещения парикмахерской. В дорогой ресторан повел, ухаживал за ней трепетно, в глаза глядел, а еще смущался, как мальчишка. Это выглядело очень забавно, конечно. Старый мужик, а смущается и краснеет! А еще руку целует, ныряя к ней неожиданно и посверкивая лысиной.

Потом он домой к себе ее пригласил. Большой оказался дом, богатый, она в таких и не бывала сроду! По сравнению с их с мамой однокомнатной квартиркой в панельной пятиэтажке – просто хоромы несусветные, сказка, дворец! Ну как тут устоишь, интересно? Тут и возраст кавалера уже не в счет, и наружность его печальная, и залысины... И мама опять на ухо гудит, никак остановиться не может:

– Не упusti свой шанс, не упusti! Будешь как сыр в масле кататься! На машине ездить, в дорогие платья наряжаться,

о куске хлеба не думать... Да ты глянь только, какое он тебе колечко подарил! Там на один камушек тебе полгода работать надо, чужие затылки брить! Тут и думать даже нечего, Ларка... Такая нарядная жизнь тебя ждет... Он ведь уже предложение тебе сделал, надеюсь?

– Да, вроде сделал...

– Что значит – вроде?

– Да он как-то неопределенно сказал, знаешь... Мол, не смею вас просить быть хозяйкой в этом доме... Это предложение или нет, как ты считаешь?

– А черт его знает... Как оно у них, у богатых, все делается... Лучше ты его прямо спроси: когда же в загс пойдем? Скажи, что без росписи в загсе мать тебе не разрешит... Что она у тебя шибко строгая и правильная на этот счет!

– Так мне восемнадцать уже через две недели исполнится, мам! Какое еще разрешение надо у мамы спрашивать?

– Ну вот через две недели и пусть ведет тебя в загс! Уж сама думай тогда, как его к этому шагу подтолкнуть! Глаза-то свои кобелиные включай на полную мощность! Зря, что ли, они тебе от папочки в наследство достались? С паршивой овцы хоть шерсти клок...

Когда она сама заговорила с Павлом про загс, он чуть не задохнулся от счастья. Бормотал что-то невразумительное, глядя ей в глаза, нырял к ручке, словно заведенный. Совсем голову потерял, в общем. Зря она насчет загса волновалась... А как мама обрадовалась, это надо было видеть! Вся слезами

насквозь облилась да руками прихлопывала, не умея словами выразить своего счастья.

Свадьба была в ресторане. Правда, белого платья и фаты у нее не было: Павел попросил учесть тот факт, что он мужчина в солидном возрасте, что должность у него заметная и в качестве жениха рядом с юной невестой смотреться будет нехорошо. Неправильно как-то. Но зато вместо наряда невесты она может выбрать себе любое платье! Пусть самое дорогое, до неприличия дорогое! Можно даже в Париж ненадолго сгонять, чтобы платье выбрать...

Париж! Она даже не поверила, когда он произнес это волшебное слово! Да что там говорить, она даже в самых смелых мыслях мечтать не могла о такой возможности! Сказочное счастье – Париж... Правда, отправилась она туда вместе с его пожилой родственницей Антониной, Павел свою должность не мог оставить, очень был занят. А ей было все равно в общем... Пусть будет Антонина. Хотя она чувствовала, что эта самая родственница ненавидит ее всем сердцем. Еще бы! Такая юная претендентка на наследство Павла появилась... Но Павел попросил, и Антонина поехала. А куда ей было деваться? Возражать – значит, отношения портить. А испортишь отношения – от кормушки отодвинут. Потому и пришлось этой самой Антонине играть в доброжелательность, пока по парижским бутикам с ней гуляла. А потом, в своем гостиничном номере, злостью обтекать...

Ресторан был очень дорогой, Павел на свадебное торже-

ство не поспешил. На ней платье было шикарное. Прическа от модного стилиста. На руках, в ушах и на шее – лучшие друзья девушек. То бишь бриллианты, конечно. Куда же в новой жизни без них?

Сейчас, спустя два года после того, как осталась вдовой, она с горечью понимала, на что потратила свои лучшие времена... Как невыносимо было порой ложиться в одну постель с Павлом. Как чуть не сбежала однажды обратно к маме... Уже собралась даже и огляделась вокруг... В этой самой гостиной и огляделась. Показалось, роскошная обстановка будто протягивает к ней руки – не уходи, мол, ты что... Ты без меня уже не сможешь, не сможешь! Ну сама подумай – куда пойдешь? Снова за парикмахерское кресло встанешь? Но ведь ценность твоя будет уже не та... Не девушка юная будешь, а женщина разведенная. Кому ты нужна в таком грустном статусе?

И не сбежала. Осталась. Научилась терпеть. А потом это терпение яростно компенсировать дорогими шмотками, новой машиной, поездками на курорт... Да и с годами сексуальные притязания мужа сошли на нет, как-то поспокойнее жить стало. Но все равно... Этот его храп, это старческое сопение по ночам и всякие нехорошие звуки из организма – та еще пытка была, если честно!

Он так и умер – в постели. Тромб ночью оторвался. Она проснулась поздним утром, а он остывший почти... Потом долго в себя приходила от осознания, что рядом с мертвецом

полночи спала.

На похороны вся родня его приперлась. Потом адвокат завещание зачитал – тоже в присутствии всей родни. Как и следовало ожидать, он все движимое и недвижимое ей оставил. И счет в банке. Помнится, Антонина к ней потом приезжала, пыталась увещевать ласково – нехорошо так поступать, милая моя Ларочка... Поделиться бы надо с родственниками... Нехорошо так, несправедливо, чтобы тебе все одной досталось! На что она ей гордо ответила, что делиться она не может по той простой причине, что Павел этого не хотел. Если бы хотел, то так бы и прописал в завещании. На что Антонина ей ответила ехидно:

– Ты ведь не любила его, Ларочка... Просто терпела. Я ж понимаю все, не думай... Но мы-то Павла любили, он нам родной был человек! А ты... Ты его просто охмурила нагло, молодостью околдовала. Нехорошо это, Ларочка, нехорошо... Большой грех берешь на душу! Понимать же надо, совесть иметь...

Она не стала с ней спорить. Просто промолчала, и все. Зачем спорить, если и так все ясно? Да и кто бы иначе на ее месте поступил, интересно? Антонина ж не будет заботиться о том, как ей дальше жить... Специальности никакой нет, работать не может, потому как привычки работать нет... Чем ей жить-то дальше? Да и невелико то наследство, если уж по большому счету. Ну, дом... Ну, две машины в гараже... Деньги какие-никакие. Ей одной, возможно, и хватит, а на

дележку – нет. Уж извините, дорогие родственники, ничем помочь не могу! Да и вы сами... Неужели бы вы сами как-то по-другому поступили на моем месте?

В общем, отвернулись от нее бывшие родственники, обиделись. Мама тоже в живых к тому времени не было. Подруги по юности все делись куда-то: она их быстро и не приваживала. А новых подруг не образовалось. Да и откуда бы они взялись, интересно? Если и ходили они куда с Павлом в гости, то очень редко. Да и то – к его друзьям... Таким же замшелым, как он сам. И жены друзей были старыми злыми гримзами, ненавидели ее за молодость, что было вполне естественно, она понимала.

Оставшись одна, она вздохнула легко. Казалось бы – живи да радуйся теперь... Но не тут-то было. Одиночество подкралось как-то незаметно: сначала простой скукой, потом досадой, потом унынием. Так подкралось коварно, что она чуть на альфонса не нарвалась от отчаяния! Такой был хитрый, зараза... Сам ее как-то вычислил, подкатил... Может, у них, у альфонсов, есть свой банк данных по состоятельным вдовушкам, кто знает? Хорошо, что распознала вовремя, не поддавалась на ухаживания. Слава богу, голова на плечах есть. Ума в ней, может, и не много, а житейской хватки достаточно. Лучше уж она сама кого себе присмотрит, честного да порядочного! При случае и присмотрит...

Случай не заставил себя ждать. И все получилось как в кино! Вот уж воистину – что судьбе заказываешь, то она тебе

и преподносит на блюдечке с голубой каемочкой!

Шла она однажды по улице, а недавно аккурат дождь прошел, кругом лужи образовались. Проезжающая мимо машина и окатила ее из этой лужи водой – она аж завизжала от неожиданности. Машина остановилась, и выскочил из нее мужчина... Приятный такой. Интеллигентный. Испуганно-вежливый. Ужасно симпатичный. Долго извинялся, потом предложил до дома довезти. Да, он ей сразу понравился, и показалось, будто дрожь пробежала внутри – это же он! Именно такой, каким она себе его представляла! Тот самый, кто ей сейчас нужен позарез...

Пока вез ее домой, надо было сообразить срочно, как его задержать около себя подольше. И ничего другого не придумалось, кроме неожиданно вывихнутой ноги. Ага, вот так... Вышла из машины, ступила пару шагов и ойкнула громко, чтобы он услышал, пока не уехал! Конечно, он тут же выскочил, спросил, что случилось. А у нее лицо страдальческое, глазки зеленые моргают, прищурились от боли... Попросила его помочь доковылять до дома и стонала тихо, с жалостно-щенячьим повизгиванием... Хотя и старалась изо всех сил, чтобы слышалась в этом щенячьем повизгивании малая толика сексапильности. Ну совсем малая. Щепоточка, самая чуточка, чтобы не переборщить.

В общем, все вполне себе натурально вышло. Потом сидела в кресле, а Валентин суетился вокруг с холодным компрессом, с тревогой и сочувствием на лице. Потом ей чаю

принес. Потом сидели, общались... Тут уж она все свое коварное обаяние в ход пустила: так старалась на него поглядывать, чтобы затянуть в зеленый омут глаз. Ненавязчиво, но наверняка. Знала ведь за собой такую способность... Мама в свое время довольно точным словом пыталась эту способность определить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.